

О, дайте, дайте им свободу!

СПРАВКА

Торфобрикетный завод входит в состав Берендеевского торфопредприятия. Пущен в эксплуатацию 25 лет назад.

Себестоимость торфобрикета — 86 рублей за тонну, отпускная цена — 44 рубля.

С начала года сумма убытков составила более 320 тысяч рублей. Средняя зарплата 230—250 рублей.

Начальник завода — Николай Сергеевич Андриюшкин.

Торфопредприятием за нынешний сезон добыто 66 тысяч тонн торфа — в два раза меньше, чем в прошлом году.

С прибылью работает одно подразделение — цех по выпуску статоров.

Директор торфопредприятия — Виктор Иванович Комаров.

Ох и матерятся мужики, рабочие Берендеевского торфобрикетного завода! Здорово матерятся, и в начальство, и в работу такую-растакую, и в условия труда, и в зарплату...

Но больше всего — в начальство. Я посмотрел на их работу и, подумав о себе в третьем лице, решил, что и сам бы через некоторое время крыл «вдоль по матушке по Волге» с не меньшим энтузиазмом всё и вся.

Знаю, как и в каких условиях работают химики, текстильщики, авторемонтники, гончары, торфяники, метизники... Но такие условия, как здесь — извините! И ещё раз извините.

Вот такие мысли терзали мою душу, когда я возвращался оттуда, где люди делают торфобрикеты, столь же необходимый в жизни переславских селян, как хлеб, соль, спички. И столь же колеблющийся на грани дефицита: городская организация Гортопсбыт, снабжающая им население, имеет массу нареканий от жаждущих приобрести дешёвое и ходовое топливо.

Из бесед на заводе я понял, что именно бросовая дешевизна продукции стала причиной незавидного сегодняшнего состояния коллектива.

Электрик Александр Иванов и оператор Сергей Миронов рассуждают:

— На оплату идёт всего 13 процентов от суммы, определяющей стоимость продукции. А остальное — на содержание аппарата управления. Работаем убыточно, тонна торфобрикета стоит 44 рубля. А почему? Кто объяснит? Директор торфопредприятия Комаров на всё отвечает: вас закрыть не жалко и разогнать пора.

Рабочие того же мнения, но с некоторой поправкой: они считают, что разогнать нужно нынешнее начальство: мыла не выдаёт по многу дней и даже месяцев (и это здесь, где за двенадцать часов работы тело под заскорузлой робой покрывается толстым слоем торфяной пыли), коллектив сократили с 76 до 33 человек, а доплату рабочим дали всего по 50 рублей (себе, между прочим, по 300 да по 400). Ну и так далее.

Мы идём по заводу с оператором Сергеем Мироновым. Под ногами — грязные ручьи. Повыше — торфопылевая завеса, сверху капает, сбоку шумит.

— Вот электромотор, — показывает он, — уже год не ремонтируется, а вот — вентилятор, тоже бездействует. Это ведь целая установка на несколько этажей, 200 тысяч рублей на неё угрохали, хотели угольную пыль смешивать с торфом. Не пошло. А говорят, стоящее дело...

Когда я позже спрашивал, почему так, мне отвечали: никому ничего не надо.

Говорили, к примеру, рабочие, что вентилятор надо хорошенько закрепить, а то разнесёт. И разнесло, хотя работу можно было сделать за считанные часы. Встал теперь агрегат на месяцы.

Аварийное положение в котельной стало нормой. Как «шуранут», помещение заполняется снопами искр.

— Нет печника, — разводит руками главный механик.
— Почему?
— Вымерли все, нигде не найти.
— А где искали?
— В Переславле. Там нет, в районе тоже нет. Помогла бы, что ли, нам газета отыскать печника...

— Так дайте объявление, укажите, за какую плату ищите.
— Да мы уже председателю райсовета Проничкину говорили.
— А он?
— Обещал найти.
— Ну и что?
— А ничего.

Кто-то обронил фразу: «Видно, руководство у нас такое». О чём о чём, а о своих ближних точно не думает. В то время когда на нормальных предприятиях, стремясь как-то подкормить людей, создают подсобные хозяйства, здесь отказались от уже готовой огромной теплицы в пользу какого-то московского кооператива. И стоит она сейчас без толку, ничего в ней не выращивается, не сажается и не сеется. Один сторож Михалыч в шляпе солидно и даже вальяжно (300 рэ в месяц) прохаживается под высоким стеклянным сводом.

Механическую мастерскую тоже запродали — московскому «Фазотрону». Зачем, спрашиваю главного инженера Юрия Фёдоровича Яшунина. Пожимает плечами:

— Я только три месяца главным. А мехмастерская очень нужна, нам ведь теперь совсем негде ремонтироваться...

Хороший хозяин старается приумножить своё достояние, а здесь, похоже, готовы всё распродать. Непонятно. Если концепция и философия намеченного на ближайшую перспективу уклада жизни состоит в том, чтобы все богатели, то как понять нежелание торфоделятелей дать возможность заработать своему же рабочему?

Вот электрик Александр Иванов поведал историю с вышедшим из строя электроблоком, который предложил отремонтировать своими руками, но ремонт был произведён на стороне и с оплатой в два раза выше. А Иванов всё может. Он один обслуживает всё энергохозяйство, работает с оборудованием, когда одному не положено и просто даже опасно. Но заработать ему нельзя. Зато можно иметь на него, на одного, ещё целую единицу ИТР, энергетика. И так во всём и везде.

— Неужели всегда так было?

— Что вы! — говорит кочегар котельной Пётр Михайлович Катыкин. — В бытность директором Серогодского работать было интересно. Беспокойный был: ночью звонил, о делах справлялся, а уж бывал здесь каждый день. А теперь до нас дела никому нет.

Похоже, что не только в Переславле, но и в Ярославле завод и его люди никого не интересуют. Простые рабочие, и те знают, что надо делать: хозяйствовать по-новому, брать в аренду завод. Но, видно, или напористости не хватает у руководства торфопредприятия и объединения «Ярторф» добиться самостоятельности для завода, доказать, где надо, что тонна драгоценного торфобрикета должна иметь настоящую цену, или желания нет работать.

Молодой главный инженер не скрывает огорчения:

— От головной организации «Ярторф» я в этом году ни одной железки не получил.

Вот так. А деньги туда торфопредприятие перечисляет, между прочим, регулярно.

Пишу я сейчас эти строки и думаю, а может быть, не в интересах «надстройки» самостоятельность торфобрикетного? Если так, то ситуация ясна. И перспектива тоже. Пройдёт ещё немного времени в бездействии, и многие жители Переславского района лишатся привычного топлива; завод приберут к рукам московские кооператоры — ладно, если для дела, а то ведь для отмывания своих капиталов или вкладывания денег в недвижимость; законсервируют его тогда, как теплицу, а народ рванётся, как и было раньше, во Владимирскую область, которая уже стала землёй обетованной для многих переславских рабочих людей.

...Ох и матерятся мужики на торфопредприятии! Жалко мужиков, жалко толкового инженера Яшунина: побольше бы таких, один-то ничего не сделает. Побьётся, помечется, да, глядишь, и возьмётся за благоустройство собственного жилья, преумножение личного достатка, как это делают сейчас многие. Ох, жалко, если так будет!

Я направлялся к выходу, шёл этажами, когда где-то внизу раздался мощный бас, выводящий арию: «О, дайте, дайте мне свободу...» А далее опять такое, что привести в печати не решаюсь.